

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКОХРВАТСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ
ПОВРЕМЕНИ СПИС ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

Ову књигу Филолога уредили
М. ПАВЛОВИЋ Р. БОШКОВИЋ М. ПЕШИКАН

Секретар
Ж. СТАНОЈЧИЋ

Књ. XXX — св. 1—2

БЕОГРАД
1973

П. А. ДМИТРИЕВ

(Ленинград)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СИНОНИМИЧЕСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Академик Михайло Стеванович своими многочисленными научными трудами сделал большой вклад в решение многих проблем общей лингвистики и прежде всего — в разработку грамматической теории современного сербохорватского языка, его истории и диалектологии. Претворяя в жизнь в своей научной и педагогической деятельности лучшие традиции, завещанные академиком Александром Беличем, творчески развивая ряд его теоретических положений, М. Стеванович в то же время является глубоко оригинальным ученым, обогатившим науку ценными исследованиями. Особенностью его как ученого и педагога является то, что он не только сам трудится напряженно и самозабвенно, отдавая всего себя любимому делу, но и умеет зажечь в своих слушателях и читателях глубокий интерес к сербохорватскому языку и его проблемам в прошлом и настоящем, побудить их к творческим размышлениям и активному научному поиску. Автор настоящих строк имел возможность убедиться в этом лично, слушая курс лекций Михайла Стевановича в Белградском университете в 1956/57 учебном году, а также во время последующих незабываемых встреч и бесед в Югославии и Советском Союзе.

Ряд работ М. Стевановича посвящен проблемам синтаксической синонимии, в том числе и синтаксической синонимии сложных предложений с относительным подчинением. Не касаясь вопросов, достаточно полно раскрытых в статьях М. Стевановича, нам хотелось бы в своей заметке поделиться некоторыми наблюдениями над синонимичными сложными конструкциями с присубстантивными придаточными, связь которых с главными предложениями осуществляется с

помощью относительных флективных местоимений (русск. *койторый*; укр. *койрий*, *який*; белорусск. *кайторы*, *які*; сербохорв. *каји*; болг. *койшо*; макед. *кој* (*којишо*); чеш. *který* (*jenž*); польск. *któgu* и т.д.) или с помощью локальных относительных наречий (русск. *где*; укр. *де*; белорусск. *дзе*; сербохорв. *где*; болг. *кадешо*, *дейо*; макед. *каде* (*ишо*); чеш. *kde*; польск. *gdzie* и т.д.). Например:

Все менялось в городе, *где* мы жили (Л. Никулин) и
 Все менялось в городе, *в койтором* мы жили.

Эти конструкции во всех славянских языках однотипны (но не тождественны) по грамматической структуре (они являются сложными предложениями с относительными присубстантивными придаточными), а также характеризуются однотипным (но не тождественным) грамматическим значением (они имеют атрибутивное значение, осложненное добавочной пространственной семантикой). Различие между ними в структурном отношении состоит, однако, в том, что в одном случае связь осуществляется с помощью предложно-падежной формы флективного местоимения, а в другом — с помощью неизменяемого относительного наречия. Отличаются они также и по значению — интенсивностью выражения добавочной пространственной семантики. Эта семантика возникает на основе синтаксических обстоятельственных отношений между сказуемым придаточного предложения и поясняемым словом главного предложения. Она получает формальное выражение в строго определенной синтаксической позиции относительного местоимения или наречия: эти показатели синтаксической связи в составе придаточного обязательно являются локальными распространителями. В предложениях, где средством связи выступает предложно-падежная форма флективного местоимения, пространственная семантика выражена слабее; в тех предложениях, где для связи использовано наречие, эта семантика, усиленная и подчеркнутая лексическим значением наречия, выражается четко и интенсивно (некоторое усиление добавочной пространственной семантики возникает также в том случае, когда само поясняемое слово имеет ярко выраженное локальное значение или является обстоятельством места). Таким образом, эти конструкции могут быть примером наиболее очевидной синтаксической синонимии.

Нас в данном случае интересуют условия, в зависимости от которых информатор (говорящий или пишущий) избирает ту или иную из этих синонимичных конструкций. Материалом для наблюдений нам послужили переводы романа М. Горького „Мать“ на другие славян-

ские языки¹. Мы получили, таким образом, возможность сравнивать передачу на различные языки одних и тех же конструкций.

Казалось бы, что близость синтаксического строя славянских языков в данном случае создает условия для того, чтобы во всех переводах эти конструкции передавались одинаково, так как все языки располагают соответствующими флективными местоимениями и относительными наречиями. Однако такого полного совпадения мы не наблюдаем. Так, в романе „Мать“ из 14 присубстантивных придаточных с добавочным пространственным значением М. Горький 2 вводит относительным местоимением, а 12 — относительным наречием где. В переводах это соотношение оказывается иным. В украинском относительных местоимений — 2, наречий — 12, в белорусском 2 и 12, в сербохорватском 6 и 8, в болгарском 7 и 7, в македонском 6 и 8, в чешском 4 и 8 (в двух случаях связь выражена иными средствами), в польском 6 и 7 (в одном случае связь выражена иными средствами), в словацком 2 и 12. Это разнообразие обуславливается тем, что в регулировании употребительности относительных местоимений и синонимичных им наречий принимают участие различные факторы, каждый из которых в различной степени может приниматься (или не приниматься) во внимание информатором.

Во всех славянских языках избегается употребление относительного наречия и используется в литературно-обработанных текстах предложно-падежная форма в тех случаях, когда нужно точно указать, к какому из нескольких субстантивов относится придаточное предложение. Так, например, у М. Горького: Это есть такое место в душе человеческой, на котором ничего другого не вырастет . . . (стр. 456). Если бы было употреблено неизменяемое наречие *где*, придаточное можно бы было соотнести и со словом *место* и с сочетанием *в душе*. М. Горький использует *какой*, чтобы показать, что придаточное относится к слову *место*. Так же поступают и переводчики. Например: Це є таке місце в дужи людській, на якому нічого іншого не виросте . . . (стр. 226). То је тако место у човековој души на коме не расте ништа друго . . . (стр. 58). Това е таква место в човеката душа, на којето нищо друго не може да израсте . . . (стр. 53). То је takové místo v lidské duši,

¹ Были обследованы следующие тексты: М. Горький. Мать М., 1965; М. Горький. Твори у шістнадцяти томах. Том 4. Київ, 1952; М. Горкі. Маці. Переклад з рускай мовы. Мінск, 1958; М. Горки. Мајка. Дела, књига VIII. Београд, 1946; Максим Горки. Мајка. Скопје, 1968; М. Горки. Майка. София, 1967; М. Gorki Matka. SNDK. Praha, 1952; М. Gorki. Matka. Wilnius, 1952; М. Gorkij: Matka. Bratislava, 1953.

na kterém nic jiného nevyraсте . . . (стр. 71). Jest to takie miejsce w duszy człowieka, na którym nic innego nie wyraśnie . . . (стр. 67). Точно так же в белорусском переводе используется сочетание *на яким* (стр. 64), в македонском — *на кое* (стр. 59), в словацком — *na ktorom* (стр. 44).

На материале некоторых славянских языков уже отмечалась тенденция использовать преимущественно относительные наречия при поясняемых словах, являющихся обстоятельством места, если при употреблении предложно-падежной формы флективного местоимения пришлось бы повторять предлог, стоящий перед поясняемым словом². Эта тенденция характерна и для других славянских языков. Так, в следующем примере, чтобы избежать повторения предлога *в* М. Горький использует для связи главного предложения с придаточным не сочетание *в койи рой*, а наречие *где*: Там у меня тоже вышли неприятности с губернатором, меня заслали на берег Белого моря, в деревушку, *где* (= *в койи рой*) я прожил пять лет (стр. 563). Также поступают и переводчики. Например: Там у мене теж вийшли неприємності з губернатором, мене заслали на берег Білого моря, в невеличко село, *де* я прожив п'ять років (стр. 33). Тамо сам такође имао непријатности с губернатором, те су ме прогнали на обалу Белого мора, у сеоце, *где* сам пробавио пет година (стр. 167). Там също имах непријатности с губернатора, та ме пратила в едно село на брега на Бяло море, *дејшо* прекарах пет години (стр. 171). Tam miałem nieprzyjemności z gubernatorem i zesłali mnie nad brzeg Morza Białego, do wioski, gdzie mieszkalem pięć lat (стр. 218). Белорусский переводчик также использует *дзе* (стр. 206). македонский *каде што* (стр. 186), словацкий — *kde* (стр. 130). Переводчик на чешский язык использует для связи предложений сочетание *a tam*: Také tam jsem měl nepřijemnosti s gubernátorem; byl jsem poslán do dědinky na pobřeží Bílého moře *a tam* jsem strávil pět let (стр. 202).

Наличие этой тенденции не означает, однако, что во всех случаях при незванных условиях будет использовано обязательно относительное наречие. Тенденция определяется лишь преимущественным употреблением наречия. При этом не исключается (в редких случаях) использование флективного местоимения с повторяющимся предло-

² М. А. Шахматова. Синонимическая соотнесенность определительных придаточных предложений с релятивами „который“ и „где“ при контактном слове — обстоятельстве места. — Вопросы филологии. Часть 2. Изд. Ленинградского университета, 1970, стр. 111—137. См. также: П. А. Дмитриев. Присубстантивные *који* и *где* у И. Андрича. — Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Изд. Ленинградского университета, 1964, стр. 177—185.

гом. Например: у М. Горького — Когда она вошла в комнату, где лежал раненый, Софья, наклонясь над ним, говорила . . . (стр. 621). У переводчиков на сербохорватский, болгарский и македонский языки — Кад је ушла у собу у којој је лежао рањеник, Софија му је, нагнута над њим говорила . . . (стр. 225). Когато влезе в стаята в којито лежеше ранениот, Софија, наведната над него, му зборуваше (стр. 253). Остальные переводчики, как и М. Горький, используют относительное наречие.

У М. Горького — „Ты что-то говоришь там?“ — сурово крикнул офицер, заглядывая в угол, где она обыскивала (стр. 555). У переводчиков на сербохорватский и македонский языки — „Шта ти то говориш тамо?“ — викну сурово офицер, загледајући у кут у коме је вршила преглед (стр. 159). „Што зборуваш ти таму?“ — сурово викна офицерот загледувајки во катот во кој го вршеше прегледот (стр. 177). Остальные переводчики, как и М. Горький, использовали относительное наречие. У М. Горького — Вы уехали на завод, где вас знают как тетку учительницы (стр. 710). У переводчика на болгарский язык — Отивате във фабрика, в каето ви знаат като леля на учителката (стр. 332). Остальные переводчики использовали относительное наречие.

Как видно из примеров, случаи использования относительных местоимений с повторяющимся предлогом чаще встречаются в переводах на южнославянские языки. В этих языках тенденция употребления относительных наречий вместо местоимений с повторяющимися предлогами допускает бóльшую свободу в выборе средств связи, чем в восточнославянских и западнославянских языках.

Использование в качестве средства связи главного предложения и присубстантивного придаточного относительного наречия или местоимения зависит не только от структуры и лексического состава сложной конструкции. В значительной степени оно регулируется и желанием информатора усилить добавочную пространственную семантику придаточного или сделать ее менее ярко выраженной, подчеркнув предметно-отождествляющее значение. При этом желания автора и некоторых переводчиков могут не совпадать, что ведет к выбору разных средств связи — иногда, как свидетельствуют приведенные выше примеры, вопреки господствующей тенденции. Особенно же часто это происходит в тех случаях, когда нет структурного ограничения, то есть когда поясняемый субстантив употреблен без предлога и не является обстоятельством места. В этом отношении показателен следующий пример. У М. Горького есть такое предложение: Третя дома

занима а кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать (стр. 418). М. Горький для связи предложений использовал сочетание *в койлорой*, подчеркнув тем самым не пространственную, а основную — предметно-отождествляющую семантику придаточного. Также поступили переводчики на сербохорватский, македонский, болгарский, чешский и польский языки. Между тем, в переводе на украинский язык использовано наречие: Третину будинку займала кухня і відгороджона від неї тонкою перегородкою маленька кімнатка, де спала мати (стр. 188). Наречия употреблены также в белорусском (стр. 13) и словацком (стр. 14) переводах. Употребление наречия в этом случае вызвано желанием переводчиков сделать более ярко выраженной добавочную пространственную семантику придаточного.